

— Резиденция Шэнь выделит еще сто тысяч серебряных на помощь пострадавшим от стихийного бедствия, — не уступая, произнес Шэнь Цинсюань. Однако, заметив, как с лица Цзянь Чжи сошел румянец, а уголки губ приподнялись в едва заметной улыбке, он вмиг всё понял.

Помолчав с полминуты, Шэнь Цинсюань снова посмотрел на Цзянь Чжи. На его лице отразилось ясное осознание: он снова попался на его уловку.

И ведь план был не то чтобы блестящим, но стоило ему взглянуть на это лицо, как всякая защита в душе Шэнь Цинсюаня рушилась.

Глядя, как Цзянь Чжи победоносно сверкает глазами — в его чистом взоре промелькнула редкая для будней живость, — Шэнь Цинсюань внезапно почувствовал облегчение.

Разве сто тысяч серебряных и деньги на строительство дворца Чжаолань — такая уж большая цена? Шэнь Цинсюань мог себе это позволить. Ради одной улыбки этого человека он не пожалел бы и всего своего состояния.

Все дела этого мира, вместе взятые, не стоили и мизинца Цзянь Сичжи.

Однако, повернувшись к императору Нинжэню, он вновь принял прежний вид. С нагловатой ухмылкой он обратился к государю:

— Раз уж резиденция Шэнь внесла свой вклад в помощь бедствующим, то не подскажет ли нам господин Цзянь-шилан, известный своим усердием в делах, что, кроме как упражняться в красноречии и произносить высокопарные речи здесь, во дворце, он сам сделал для народа, терпящего бедствие?

— Я... — Цзянь Чжи яростно уставился на Шэнь Цинсюаня. Он ведь не был так богат, как этот Шэнь! — Ваше Величество, ваш слуга...

Семья Цзянь всегда считала себя людьми учеными и презирала низменную тягу к наживе, поэтому богатством они не обладали.

Не успел Цзянь Чжи договорить, как император Нинжэнь поднял руку, останавливая его.

— Довольно, Цзэжань, не нужно больше провоцировать Сичжи. Он и так пожертвовал жалование за три года. Если продолжишь в том же духе, он еще подаст прошение об отправке в зону бедствия, — император Нинжэнь одарил Шэнь Цинсюаня легкой улыбкой.

Шэнь Цинсюань, видя это, смущенно пробормотал извинения и вернулся во внутренние покои.

— Сичжи, даже не думай заговаривать со мной о поездке к реке Хуайхэ, — произнес император Нинжэнь, глядя на Цзянь Чжи, который явно собирался что-то сказать.

— Государь... у меня есть еще одно прошение! — неожиданно опустившись на колени, выпалил Цзянь Чжи.

— Хватит, Сичжи, я не хочу больше слушать.

Император Нинжэнь с первого взгляда понял, о чем пойдет речь.

— Государь... Регент ведет себя столь бесцеремонно...

— Сичжи, я устал. Ступай, — император Нинжэнь виновато отвел взгляд, а затем глубоко зевнул и, не дожидаясь, пока Цзянь Чжи поднимется, направился во внутренние покои, скрытые мягкими шелковыми занавесями.

— Государь...

— Господин Цзянь, уже поздно, прошу, возвращайтесь домой! — стоило Цзянь Чжи открыть рот, как рядом возник Цзянь Хэ.

Цзянь Чжи понимал, что император Нинжэнь не примет его слова всерьез, но как верноподданный он не мог молчать, чувствуя, что это было бы уклонением от долга.

— Цзэжань, ты снова злишься.

Когда во дворце Цидэ не осталось никого, кроме них, Сун Цзывэнь отбросил маску императора, оставшись лишь возлюбленным Шэнь Цинсюаня. Видя его недовольство, он подошел ближе, пытаясь утешить:

— Ты же знаешь характер Сичжи, к чему принимать его слова близко к сердцу?

— Яньсю... ты правда не понимаешь или притворяешься? — Шэнь Цинсюань обернулся и с недоумением посмотрел на Сун Цзывэня.

— Ты ведь не впервые слышишь, как Сичжи упрекает тебя, чего же злиться именно сейчас? — рассмеялся Сун Цзывэнь. — Он лишь болтает о том, что я якобы слишком балую тебя. Ты же обещал мне, что не будешь обращать внимания на пустые сплетни.

— Хорошо, Яньсю, не будем портить наши отношения из-за какого-то Цзянь Сичжи. Я знаю, что ты самый мягкосердечный человек, а поскольку вы выросли вместе, ты к нему

снисходителен. Но мне не нравится, когда в твоих глазах есть кто-то еще, кроме меня, — говоря это, Шэнь Цинсюань, не дожидаясь ответа, притянул Сун Яньсю к себе в объятия.

— Цзэжань, посмотри на это... — император Нинжэнь прильнул к груди Шэнь Цинсюаня и, смущенно опустив голову, указал на грудку докладов и документов на столе. — Цзэжань, они прислали мне столько бумаг, я ведь совсем не разбираюсь в этих делах.

Три года назад, когда Сун Цзывэнь только вошел на трон государства Наньнин, он точно так же, мягким и не терпящим отказа голосом, говорил это Шэнь Цинсюаню.

Его мать была лишь незнатной наложницей низкого ранга, без знатного рода и ослепительной красоты — просто случайная связь с покойным императором после пира. Ей повезло забеременеть, и она, сославшись на болезнь, скрывалась в своих покоях до самых родов, пока отец-император не узнал о появлении еще одного сына.

У императора было много детей, и хотя после рождения сына мать Сун Цзывэня повысили до ранга Хуэй-пинь, любимицей она не стала. А сам он, как неожиданный наследник, не вызывал у отца особой привязанности.

Пока в пять лет он не встретил Шэнь Цинсюаня.

Шэнь Цинсюань был старше его всего на три года и уже тогда, будучи третьим сыном премьер-министра Шэня, защищал его, закрывая своим телом от ударов.

В тот раз его не побили старшие братья, но сам Шэнь Цинсюань был изранен в кровь. Когда обидчики ушли, маленький Сун Цзывэнь, собрав последние силы, оттащил избитого друга в свои обветшалые покои. С тех пор Шэнь Цинсюань тайком пробирался к нему.

В шесть лет, когда пришло время учиться, мать отдала все свои сбережения, чтобы устроить его в ученики к Цзянь Пину, который тогда был лишь академиком Ханьлинь. Сун Цзывэнь подозревал, что Шэнь Цинсюань сыграл в этом ключевую роль: премьер-министр Шэнь тогда был в прекрасных отношениях с господином Цзянем, и Шэнь Цинсюань тоже стал его лучшим учеником.

Что случилось потом, из-за чего премьер-министр Шэнь и министр Цзянь стали заклятыми врагами — осталось тайной.

Когда он начал каждый день ходить в поместье Цзянь, на его лице стало больше улыбок. У него появились сверстники, но самым важным человеком для него оставался Шэнь Цинсюань.

Спустя три года Шэнь Цинсюань внезапно покинул столицу, даже не попрощавшись. О том, что его отправили в горы изучать боевые искусства, Сун Цзывэнь узнал лишь через два дня. Когда он в отчаянии примчался в поместье учителя, именно Цзянь Чжи сообщил ему эту новость.

Больше полугода он ходил сам не свой, и только поддержка Сичжи помогала ему держаться.

В следующий раз они встретились лишь через шесть лет.

Восемнадцатилетний Шэнь Цинсюань и пятнадцатилетний Сун Цзывэнь впервые увиделись в резиденции премьер-министра. К тому времени Шэнь Цинсюань уже полгода как вернулся в город Цзиньюэ, а Сун Цзывэню уже год как запрещали посещать дом наставника — его отец назначил наследного принца, а Цзянь Пин стал его учителем и больше не мог заниматься с другими принцами.

Он снова остался один.

К счастью, был Сичжи: каждые несколько дней он пробирался во дворец, в заброшенный павильон Цюсян, чтобы развлечь его. Поэтому, хотя Сун Цзывэнь и любил Цзэжана, он не мог позволить ему слишком уж жестоко обижать Сичжи.

В первый год после возвращения Шэнь Цинсюаня ему казалось, что тот изменился. Он стал совсем не похож на того брата Цинсюаня, которого он помнил. И дело было не только во внешности, хотя в повзрослевшем лице он еще мог уловить знакомые черты. Но это было лишь внешнее сходство — манеры, поведение, сам дух Шэнь Цинсюаня были совершенно иными, чужими для его воспоминаний.

<http://bllate.org/book/20960/2126579>